

Библиографический список

1. Shakespeare, W. The Complete Works / W. Shakespeare. – Ware: Wordsworth Editions, – 1280 p.

Проскурнин Борис Михайлович

доктор филолог. наук, профессор (Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия)

«ИСТОРИЯ ГЕНРИ ЭСМОНДА» У. М. ТЕККЕРЕЯ И «ДЫМ» И. С. ТУРГЕНЕВА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ

Полный текст статьи, на основе которой написаны данные тезисы, будет опубликован: La femme fatale: типологические художественные переклички У. М. Теккерея и И. С. Тургенева («История Генри Эсмонда» и «Дым») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, психологизм, «роковая женщина», русско-английские литературные связи.

У. М. Теккерей и И. С. Тургенев, сыгравшие важную роль в истории национальных литератур и приобретшие всемирную славу выдающихся прозаиков, были знакомы лично и встречались дважды. Но писатели не оставили объемных и зафиксированных в дневниках, письмах, статьях и т. п. материалах впечатлений друг о друге, так чтобы можно было составить какое-либо основательное суждение об их встречах, а главное – об их мнениях о творчестве друг друга. Безусловно, И. С. Тургенев, по сути живший в Европе и хорошо знавший основные имена и явления ведущих европейских литератур, а также будучи внимательным читателем, в том числе и английской литературы, не мог не читать произведения Теккерея, о чем свидетельствуют его частые отсылки к «Ярмарке тщеславия» в письмах, хотя в его домашней библиотеке в Спасском-Лутовинове сохранился лишь экземпляр «Истории Пенденниса» (см. об этом [1]).

В нашем докладе обращается внимание на прозорливое замечание Е. Ю. Гениевой: «Вчитываясь в произведения Тургенева, например, в его «Дым», раздумывая над образом Ирины, приходишь к выводу, что, вероятно, Тургенев, так мало сказавший о Теккерее, был его внимательным читателем. Трудно удержаться от сопоставления образа Ирины с женскими персонажами в романах и повестях Теккерея, особенно с героями «Эсмонда» и «Ньюкомов»» [2]. Эта мысль литературоведа стала отправной точкой нашего исследования, результаты которого представлены в докладе и которое построено на принципах типолого-сравнительного изучения разнонационального материала, появившегося в рамках одного этапа развития мировой литературы и в рамках одной художественной интенции – исследовать внутренний мир человека в переходных социально-исторических контекстах. Как известно, роман Теккерея «История Генри Эсмонда, эсквайра, полковника службы ее величества королевы Анны, написанная им самим», обращенный к чрезвычайно важному в истории Англии периоду смены одной королевской династии другой, появился на свет в 1852 г.; роман И. С. Тургенева «Дым», по-новому для писателя и, как полагали современники, не по-тургеневски остро осмысливающий нравственно-идеологические проблемы пореформенной России, впервые был опубликован в журнале «Русский вестник» за 1867 год, № 3.

Проблемно-тематическим ядром нашего сопоставительного анализа стала вечная в мировой литературе тема любви, своеобразие ее решения двумя яркими представителя социально-психологического реализма на остром историко-политическом материале; более точно – особенности обращения Теккерея и Тургенева к образу *la femme fatale*. Методологической основой нашего генетико-типологического изучения теккереевского и тургеневского вариантов «роковой женщины» и ее судьбы в современном ей обществе в названных романах является осмысление того, что Д. Дюришин называет явлением, диктуемым «закономерностями всеобщего порядка» [3, с. 173], иначе говоря – генетической общностью и проявлением всеобщего в единичном, общемирового литературного явления в национальном литературном преломлении.

Для генетико-типологического сравнения темы трудной любви и образов «роковой женщины» в двух обозначенных романах Теккерея и Тургенева, как и для сопоставления самих произведений, есть серьезные основания. Во-первых, в романах доминирует мужской взгляд на образ «роковой женщины», повествовательно по-разному реализованный: у Теккерея *Ich-erzählung* мемуарного типа, у Тургенева – казалось бы абсолютное *Sie-erzählung*, но порою, как и в случае с Эсмондом, мы оказываемся внутри перспективы видения событий, их оценки главным героем Григорием Литвиновым. Очевидна доминанта интроспективизации повествования у того и у другого, хотя и в разных жанрах, с разной степенью имплицитности/эксплицитности и концентрации. Теккерей и Тургенев совпадают в характерологической «подаче» исторического и политico-идеологического начала; сошлемся на мнение Л. М. Лотман, применимое и к Теккерею тоже, о том, что тургеневский герой воплощает «идею единства идеологии и психологии» и наделен автором «личной судьбой, отражающей исторический и этический смысл идеологии» [4, с. 170, 171]. Обращение писателей к теме неразделенной любви и образу «роковой женщины» становится одним из способов живописать сложную, противоречивую и неустоявшуюся эпоху. Ирина Осинина/Ратмирова у Тургенева и Беатрис Каслвуд у Теккерея наделены авторами своеобразным демонизмом, а потому любовь главных героев романов к ним – это страдания, душевые муки и отчаянные поступки, когда ratio напрочь отключено и господствует стихия чувств. Сложность, противоречивость, загадочность образа Ирины навеяна Тургеневу его непростыми отношениями с Полиной Виардо; по любопытному совпадению, образы матери и дочери Каслвуд – Рэйчел и Беатрис – во многом инспирированы разрывом Теккерея с Джейн Брукфилд, тоже «роковой женщиной», к которой писатель питал безответственные чувства.

В конце романов оба писателя рисуют драму освобождения героев от чар роковой женщины, но делают это по-разному. Теккерей, живописуя любовь- страсть, рожденную в юности с ее экзальтированностью и повышенной чувственностью и организовав повествование как обращенную к внукам мемуарную ретроспективу, в духе викторианского дидактизма акцентирует неразумность демонического чувства, овладевшего мемуаристом в юности. Тургенев делает освобождение Литвинова от роковой любви психологически более болезненно напряженным для героя. Кроме того, здесь важен образ Потугина, помогающего Литвинову пережить боль второго расставания с Ириной, с одной стороны, былою о новгородце Ваське Буслаеве как намеке на роковую безрассудность всей одержимости Литвиновым Ириной; с другой – напутствием смело идти вперед, быть пионером, тружеником. Именно поэтому Тургенев приводит Литвинова вновь к оттор-

гнутой им невесте – Татьяне Шестовой как символу деятельной и созидающей жизни. В докладе демонстрируется, как оригинально благодаря образу «кроковой женщины» Теккерей и Тургенев синтезируют историческое, идеолого-политическое и любовно-психологическое.

Библиографический список

1. Волков, И. О. Творчество И. С. Тургенева в пространстве мировой литературы (по материалам библиотеки писателя): дисс. ... д-ра филол. наук по специальности 5.9.1. – русская литература и литературы народов Российской Федерации / И. О. Волков – Томск: НИТГУ, 2024. – 721 с.
2. Гениева, Е. Ю. Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество. Воспоминания. Библиографические разыскания. / Е. Ю. Гениева – М.: Книга, 1989. // https://royallib.com/book/tekkerey_uilyam/tvorchestvo_vospominaniya_bibliograficheskie Raziskaniya.html (дата обращения: 25.07.2025.)
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Пер. со словацкого и comment. И. А. Богдановой, авт. предисл. Ю. В. Богданов, ред. Г. И. Насекина. / Д. Дюришин – М.: Прогресс, 1979. – 317 с.
4. Лотман, Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие) / Л. М. Лотман. – Л.: Наука, 1974. – 350 с.

Прудиус Ирина Геннадьевна

*канд. филол. наук, доцент (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия)
m-i-g@yandex.ru*

ИМАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ Ю. ВИЛЕ И Л. ИТАГАКИ «СИБИРСКИЕ ХАЙКУ»

В статье рассматривается имагологический аспект изображения в графическом романе литовских писателей Ю. Виле и Л. Итагаки «Сибирские хайку».

Ключевые слова: графический роман, имагология, категория памяти, пространство Сибири.

Наследие выдающегося отечественного ученого-филолога Н. М. Михальской, в частности ее исследования по имагологии, до сих пор остаются актуальными и востребованными. Так, обращаясь к восприятию России в зарубежной художественной прозе, исследовательница отмечала мифологический характер этого пространства [1].

Пространство Сибири в данном контексте выделяется своей обособленностью, *«специфической отделенностью и даже отграниченностю от всего мира»* [2, с. 594]. Более того, образ Сибири всегда был неотделим от печальных историй, связанных с понятиями «каторги» и «ссылки», а также от пространства, которое с ней ассоциировалось. Это практически безграничное пространство тайги и ее устрашающими лесными обитателями, это пространство снега и холода, которое делает сибиряков не менее холодными по отношению к приезжим. Именно такое сибирское пространство нередко встречается в художественной литературе: от романа Жюля Верна (Jules Verne, 1828–1905) «Михаил Строгов» (*Michel Strogoff*, 1876) до современной литературы, например, в творчестве французского путешественника и писателя Сильвена Тессона (Sylvain Tesson, род. 1972), как в его оригинальном романе «В лесах Сибири» (*Dans les forêts de Sibérie*, 2011), так